

К вопросу о политике СССР в связи с японской агрессией в Маньчжурии в 1931 г.

© 2020

Е.В. Хахалкина, Б.С. Жигалов

В статье рассматриваются действия советского правительства в связи с вторжением Японии в Маньчжурию, которое наносило ущерб экономическим и геополитическим интересам СССР на Дальнем Востоке. Эти действия носили «оборонительный» характер, что обуславливалось военной слабостью СССР в этом регионе и желанием сохранить стабильные отношения с Японией. Конкретно это выражалось в многочисленных уступках Японии, завершившихся продажей за бесценок КВЖД и уходом СССР из Маньчжурии.

Ключевые слова: Дальневосточная политика СССР, Маньчжурский кризис 1931 г., КВЖД, Маньчжоу-Го.

DOI: 10.31857/S013128120008836-0

В ночь с 18 на 19 сентября 1931 г. японские войска, спровоцировав незначительный инцидент на ЮМЖД, начали оккупацию Северо-Восточного Китая, образовав тем самым очаг войны на Дальнем Востоке. Эти действия Японии непосредственно затрагивали интересы СССР, имевшего в Северной Маньчжурии КВЖД и тысячекилометровую сухопутную границу с Китаем.

В советской и современной отечественной историографии сюжет о том, как реагировал СССР на действия Японии, не получил достаточно полного освещения. В работах общего характера отмечается лишь, что «среди великих держав СССР в этот период занимал наиболее осторожную позицию». Это выражалось во внешне спокойном отношении советского правительства к маньчжурским событиям, в отсутствии демарша в отношении действий Японии, подчеркивании невмешательства и нейтралитета¹.

Советско-японские дипломатические отношения были установлены в 1925 г. подписанием Пекинской декларации. Во второй половине 1920-х годов они развивались в спокойном и мирном русле. Отношения были, конечно, не безоблачными, но главная спорная тогда проблема — рыболовные дела — была урегулирована после долгих споров подписанием в 1928 г. Рыболовной конвенции. Работавший в 1927–1928 гг. советником полпредства в Токио И.М. Майский подчеркивал в одном из писем из Японии: «Здесь, по крайней мере внешне, к нам относятся как к великой державе и при том как к дружественной великой державе»². Что было особенно разительно новым для него после работы в Лондоне. В период советско-китайского конфликта на КВЖД в 1929 г. Япония

Хахалкина Елена Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Национальный исследовательский Томский государственный университет. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru.

Жигалов Борис Степанович, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Национальный исследовательский Томский государственный университет. E-mail: kev394@rambler.ru.

занимала позицию нейтралитета, что объективно было в интересах СССР и способствовало урегулированию конфликта.

В СССР дорожили достигнутым уровнем отношений с Японией. Во всяком случае это подчеркивалось на самом высоком уровне. Так, выступая 8 марта 1931 г. на VI съезде Советов председатель Совнаркома В.М. Молотов говорил: «Наши отношения с Японией продолжают нормально развиваться в сторону дальнейшего упрочнения дружбы и необходимого взаимного понимания, основы которых заложены Пекинским соглашением... За последние два года не зарегистрировано ни одного политического конфликта между СССР и Японией»³. Успешно развивались торговые отношения. Так, в 1930 г. объем торговли между СССР и Японией достиг 43,1 млн йен, что в 4 раза превышало товарооборот между Россией и Японией в 1913 г.⁴. Хотя на уровне практических отношений разногласия и споры имели место, особенно по рыболовным проблемам.

На рубеже 1920-х — 1930-х годов ситуация в мире круто поменялась. Разразился мировой экономический кризис, приведший к обострению международных противоречий. Кризис сильно ударил по японской экономике. В частности, резко сократился японский экспорт в страны азиатского континента. В Токио пришли к выводу, что продолжающаяся гражданская война в Китае, отвлеченность великих держав на свои внутренние проблемы создают благоприятные условия для расширения экспансии в Китае, что нашло отражение во вторжении Квантунской армии в южную Маньчжурию в сентябре 1931 г.

Хотя мировой экономический кризис напрямую не затронул СССР, в начале 1930-х г. в стране обострилась внутрисоветская обстановка. Форсированная коллективизация привела к спаду сельскохозяйственного производства и голоду в ряде регионов. Проявились трудности в выполнении заданий первого пятилетнего плана, напряженным оставался внешнеторговый баланс. После разгрома внутрипартийной оппозиции бесспорным лидером партии и страны становится Сталин, мнение которого уже никем не оспаривается, в том числе по вопросам внешней политики.

Определенное значение для советско-японских отношений имела и происшедшая в это время смена «действующих лиц». В Японии в 1929 г. из жизни ушли С. Гото, ветеран японской политики, который в 1928 г. в Москве дважды встречался со Сталиным, и бывший премьер-министр генерал Г. Танака, к имени которого советские историки прочно приклеили ярлык милитариста и сторонника агрессивной политики, каковым в отношении СССР он не был. С полным основанием современный историк-японист Г.В. Молодяков пишет: «Идея русско-японского партнерства в Азии потеряла самых верных и влиятельных сторонников»⁵.

В свою очередь, в СССР в 1930 г. покинул пост наркома иностранных дел Г.В. Чичерин, который лично курировал дальневосточное направление в НКВД и который считал установление мирных отношений с Японией, наряду с «раппальской» политикой в отношении Германии, успехом советской дипломатии. Новым наркомом стал «западник» М.М. Литвинов, который уделял отношениям с Японией значительно меньшее внимание. Упомянутый выше автор отмечает: «Особого вреда отношениям с Японией он не принес. Пользы, правда, тоже»⁶.

В сентябре 1931 г. Сталин находился в отпуске на юге. В Москве в Политбюро «на хозяйстве» оставался Л.М. Каганович, который ежедневно информировал генсека о работе Политбюро и важнейших событиях в стране и за рубежом. Относительно Японии Сталину пришлось высказаться еще до событий 18–19 сентября.

11 сентября Каганович проинформировал Сталина, что после закрытия во Владивостоке отделения японского «Чосен банка» в Японии резко увеличили пошлины на импортируемый из СССР лес. В этих условиях нарком внешней торговли Розенгольц предложил ответить зеркально, увеличив пошлины на японский чай. «Мы вопрос отложили до 20-ого, сообщил Каганович, и просим Вас сообщить нам свое мнение».

14 сентября Сталин ответил на эту телеграмму. «С Японией нужно поосторожнее. На своих позициях стоять нужно твердо, но тактика должна быть гибкой, поосмотрительней. Розенгольд хочет действовать наскоком. Это не годится сейчас. Не пришло еще время для наступления»⁷. С этого времени «гибкость» и «осмотрительность» стали основой политики СССР в отношении Японии на протяжении всего «маньчжурского кризиса». Поэтому зам. наркома иностранных дел Л.М. Карахан во время встречи с японским послом Хирота 19 сентября подчеркнул, что СССР события в Маньчжурии беспокоят лишь «потому, что они происходят в непосредственной близости к КВЖД»⁸.

21 сентября Сталин получил информацию Кагановича о заседании Политбюро: «Слушали сообщение о японо-китайских делах. Позиция держав пассивна за исключением Америки, которая, пока, по сведениям прессы, собирается выступить, считая японское выступление нарушением не пакта Келлога, а решений Вашингтонской конференции 1921 г.... Были предложения, особенно со стороны Литвинова, взять резкий тон в отношении Японии. Мы не приняли никаких решений. Мы исходим из того, что обстановка требует от нас осторожности и выдержки»⁹.

На следующий день Каганович и Молотов направили Сталину еще одну телеграмму. «Положение с японским выступлением все еще не ясно... позиция держав пассивна, за исключением Америки... Китай поставил вопрос в Лиге наций..., Японская пресса подготавливает дальнейшее движение войск на север»¹⁰.

Неопределенность ситуации с японским вторжением в Маньчжурию, наличие некоторых разногласий в руководстве СССР затрудняли выработку четкого курса конкретных действий. Политбюро лишь поручило Литвинову вызвать японского посла и потребовать разъяснений касательно событий в Маньчжурии, «задевающих и могущих затронуть интересы КВЖД»¹¹.

Но 23 сентября Сталин пресек все возможные разногласия и дал четкие указания, что надо делать. Упомянув, что интервенция Японии могла иметь место «по договору» с другими империалистическими державами (это предположение оказалось ошибочным), он писал: «Наше военное вмешательство, конечно, исключено, дипломатическое же вмешательство сейчас нецелесообразно, так как оно может лишь объединить империалистов, тогда как нам выгодно, чтобы они рассорились»¹². По мнению Сталина, необходимо было «запросить Японию, чтобы она держала нас в курсе событий, но одновременно нужно запросить китайцев, хотя бы через Харбин». Давались им также указания для прессы: «Правда» должна ругать японцев вовсю, официальные «Известия» должны писать о событиях в Маньчжурии «в умеренно архисторожном тоне».

Из этого видно, что «директивы» Сталина не предполагали каких-либо активных действий советской дипломатии, направленных против японской агрессии. Речь могла идти лишь о пропагандистской кампании в прессе. Поэтому Каганович докладывал Сталину 26 сентября: «О Китае мы никаких особых постановлений не принимали, исходим из Вашей телеграммы»¹³.

В первые недели после начала японского вторжения в Маньчжурию советские газеты ограничивались перепечаткой комментариев иностранной прессы относительно позиции великих держав и обсуждения жалобы Китая в Лиге наций.

Быстро оккупировав Южную Маньчжурию и почти не встречая сопротивления китайских войск, японцы двинулись на север Маньчжурии, где проходила линия КВЖД. Это должно было бы вызвать какую-то энергичную реакцию СССР. Но этого не произошло. Так, 23 сентября в беседе с китайским представителем, который сообщил, что японцы заняли Мукден, Гирин, Инкоу, Аньдун, замнаркома Л.М. Карахан смог лишь заявить, что СССР «не собирается осложнять или затруднять положение, которое создалось в Маньчжурии»¹⁴. Звучало все это очень неопределенно.

В эти дни в московском руководстве разразился скандал, связанный с публикацией в газете «Известия» стихотворения Д. Бедного на международную тему. Информаци-

руя Сталина об этом, Каганович не без злорадства подчеркивал: «Литвинов, который на Политбюро требовал нашего активного вмешательства, дал визу на напечатание этого стихотворения»¹⁵.

В этом стихотворении были такие строфы:

*«Французские республиканцы
Глядят с тревогою на франк.
Угрюмые американцы
Дают японцам чистый бланк:
Японцы, дескать, сила факта!
Громя Мукден в прямой войне
Постановления Келлог-пакта
Осуществляют там вполне.
Всегда готовая к отпору
Молчит загадочно Москва.
И даже я в такую пору
Щедрюсь не очень на слова»*.

Но не эти вирши вызвали возмущение в Политбюро, а лишь одна строчка: «Молчит загадочно Москва», которая фактически очень точно определяла позицию советского правительства, но которая, по мнению Кагановича и Молотова, «ложно характеризует позицию СССР в маньчжурском событиях».

Сталин не любил творчество Д. Бедного («не читал и читать не буду») и написал Кагановичу: «Следовало бы привлечь к ответу, во-первых, главного редактора «Известий», во-вторых, Демьяна (и Литвинова)»¹⁶.

В соответствии с этими указаниями Сталина Секретариат ЦК объявил выговор главному редактору «Известий» Н.М. Гронскому и Д. Бедному за политическую ошибку, связанную с публикацией этого стихотворения. Литвинов, который фактически должен был бы нести главную ответственность, отделался лишь замечанием.

Дабы не допускать в будущем подобных фактов, Политбюро постановило 25 сентября: «Поручить НКВД еще раз дать категорическое указание дипломатическим представителям СССР в Китае и Японии, что они обязаны: 1. Аккуратно информировать Москву о происходящих событиях; 2. Не предпринимать никаких шагов и не давать никаких разъяснений без указаний из Москвы»¹⁷.

Но «молчать» дальше было нельзя. 26 сентября «Известия» опубликовали редакционную статью «Интервенция в Маньчжурии и маневры империалистов», отражавшую официальную оценку этих событий. Оценка эта была довольно уклончивой и не содержала осуждения японской агрессии. События в Маньчжурии определялись как конфликт Японии и «китайских милитаристов». Подчеркивалось, что «происходящие события разворачиваются в непосредственной близости от Советского Союза». При этом в газете опровергались распространяемые иностранной прессой слухи о том, что японское вторжение в Китай состоялось в результате предварительного советско-японского сговора. Советское правительство настойчиво и в разных вариантах подчеркивало свое невмешательство в японо-китайский конфликт.

Это вполне устраивало японскую сторону. Поэтому 28 октября в беседе с Караханом посол Хирота с удовлетворением констатировал, что со времени возникновения японо-китайского конфликта, по прошествии сорока дней, никакие события «не омрачали отношений» между СССР и Японией¹⁸.

Японской дипломатии важно было и в дальнейшем «нейтрализовать» политику СССР в отношении действий японских войск в Маньчжурии. Поэтому в беседах с Литвиновым и Караханом японский посол Хирота напоминал, что Япония занимала позицию нейтралитета в период советско-китайского конфликта на КВЖД в 1929 г. Соответ-

ствующее отношение требовалось теперь и от СССР. Хотя советская сторона считала несопоставимыми события 1929 и 1931 г., с этим приходилось считаться.

Маньчжурия была оккупирована японцами за три месяца при отсутствии серьезного сопротивления войск Китая. 19 ноября 1931 г. японские войска пересекли КВЖД и заняли г. Цицикар. Это уже непосредственно затрагивало интересы СССР. Тем не менее, 21 ноября советские газеты опубликовали заявление Литвинова, сделанное им японскому послу, где в частности было сказано: «Советское правительство придает большое значение сохранению и укреплению существующих отношения с Японией»¹⁹.

Из всех великих держав, включая СССР, наиболее жесткую позицию в отношении действий Японии заняли США. 7 января 1932 г. государственный секретарь США Г. Стимсон направил ноту японскому правительству, в которой говорилось о непризнании США нарушений суверенитета и территориальной целостности Китая. Этот документ получил название «доктрина Стимсона». СССР не поддержал эту акцию США.

В целом политика СССР в отношении Японии в конце 1931 — первой половине 1932 г. свелась к серьезным уступкам в экономической и политической сферах. Уступки следовали одна за другой. Так, если 28 ноября 1931 г. правительство СССР отвергло японские предложения по пересмотру условий рыболовной конвенции 1928 г., то 7 декабря Карахан сообщил японскому послу, что советская сторона готова обсуждать японские претензии по этой конвенции. В итоге длительных споров японцы добились принятия своих требований. 8 августа 1932 г. Сталин написал Кагановичу: «Насчет соглашения с Японией по рыбе могу сказать лишь одно: нужно принять»²⁰.

Важной и наиболее болезненной проблемой в советско-японских отношениях в Маньчжурии была проблема КВЖД. Эта железная дорога по соглашению между СССР и Китаем в 1924 г. управлялась совместно на паритетных началах двумя государствами. Охрану дороги несли китайские войска. По условиям Портсмутского договора 1905 г., который в этой части признавался СССР, КВЖД могла использоваться только в коммерческих целях.

К началу 30-х годов КВЖД представляла собой мощный хозяйственный комплекс, включавший, помимо самой железнодорожной магистрали, ремонтные и промышленные предприятия, речную флотилию на Сунгари с соответствующим портовым хозяйством, телеграф, телефон. При формальном советско-китайском паритете решающую роль в управлении КВЖД играли советские представители.

Преследуя отступавшие китайские войска, японцы явочным порядком вмешивались в работу КВЖД, захватывали подвижной состав, требовали перевозки своих войск. И здесь советская сторона была вынуждена идти на уступки. Так, 11 ноября 1931 г. советская часть Правления КВЖД получила указание из Москвы: «Ни в коем случае не соглашаться на перевозку той или иной воюющей стороны по КВЖД. Открыто протестовать против попыток одной или другой воюющих сторон нарушить режим нейтралитета на КВЖД»²¹.

Однако 28 января 1932 г. Карахан сообщил послу Японии, что, поскольку КВЖД управляется совместно СССР и Китаем, то если китайская сторона соглашается на перевозку японских войск, СССР возражать не будет²². Это была первая уступка в этом вопросе, но не последняя.

5 февраля 1932 г. японские войска вошли в Харбин, «столицу» КВЖД, где находилось правление дороги, все управления и службы, а также генконсульство СССР. Японское правительство мотивировало эту акцию защитой японских резидентов, которые де бежали в город, спасаясь от преследования китайцев. Реакция советской стороны на это была более чем примирительной. 29 февраля Карахан довел до сведения посла Хирота, что СССР в виде исключения и как временную меру дает согласие на провоз «ограниченного контингента» японских войск по КВЖД, хотя это является нарушением Портсмутского договора²³.

Наконец, 16 апреля 1932 г. Политбюро постановило: «Разрешить японцам перевозку дивизии с юга в Харбин на смену дивизии, снимаемой из Харбина»²⁴. Практически больше никаких препятствий для использования КВЖД в военных целях не было.

Еще одной уступкой Японии со стороны СССР было решение Политбюро от 2 июня 1932 г.: «Категорически запретить стрелять по японским самолетам, нарушающим границу»²⁵. Хотя чаще всего эти нарушения были обусловлены ведением воздушной разведки.

Стремление не раздражать японцев выражалось в разных формах: в указании властям Северного Сахалина «не вести себя вызывающе» по отношению к японцам, указании генконсулу в Харбине Славцкому протестовать против ареста советских граждан японцами «не письменно, а устно» и пр.

Такая «уступчивая» политика СССР в Маньчжурии объяснялась прежде всего опасениями возможного военного столкновения с Японией, к чему СССР тогда не был готов. Страх перед такой войной довел над сознанием высшего советского руководства. Сталин писал Ворошилову 27 ноября 1931 г.: «Дела с Японией сложные, серьезные. Япония задумала захватить не только Маньчжурию, но, видимо, и Пекин с прилегающими районами... Более того, не исключено и даже вероятно, что она потянет руку к нашему Дальневосточному и, возможно, и к Монголии. Возможно, что этой зимой Япония не попытается тронуть СССР. Но в будущем году она может сделать такую попытку»²⁶.

Настораживало Москву и то обстоятельство, что Япония отклоняла под разными предлогами неоднократно сделанные советской стороной предложения о заключении советско-японского пакта о ненападении по типу аналогичных договоров, заключенных к этому времени с рядом государств.

При этом нужно иметь в виду, что угроза войны с Японией, о чем стали писать советские газеты, входила составной частью в сформулированную Сталиным идеологию «осажденной крепости»: СССР со всех сторон окружен врагами, готовыми в любой момент начать войну. Это было необходимо Сталину и его соратникам для оправдания внутренних трудностей, просчетов и ошибок во внутренней политике.

Но в действительности опасность военного столкновения с Японией на Дальнем Востоке тогда была преувеличенной. В начале 1930-х годов Япония не могла воевать на два фронта: против Китая и против СССР. Численность японской сухопутной армии до 1936 г. оставалась неизменной — 230 тыс. человек. Из них в Маньчжурии находилось на 19 сентября 1931 г. — 10 тыс., на конец 1931 г. — 65 тыс., на конец 1932 г. — 94 тыс., на конец 1933 г. — 114 тыс.²⁷. СССР имел на территории Маньчжурии 5 консульств и, вероятно, в Москве имели представление о реальном положении дел в регионе.

Но задача укрепления обороноспособности советского Дальнего Востока была очевидной. Начинают проводить целый ряд мероприятий в этом направлении. В конце 1931 г. была приведена в боевую готовность ОДКА, ее части концентрируются на границе с Маньчжурией. Формируются две группировки войск: Приморская и Забайкальская, которые в дальнейшем будут преобразованы в Дальневосточный фронт. Началось создание Тихоокеанского флота.

Начинается своеобразное соперничество двух держав в «гонке вооружений» в районе советско-китайской границы. В январе 1932 г. Ворошилов пишет своему заместителю Я. Гамарнику: решено построить для Дальнего Востока 30 подлодок (в Ленинграде и Николаеве), заказано 60 броневагонов для бронепоездов. «Сталин вплотную занимается вопросами Дальнего Востока»²⁸. Несмотря на недостаток соответствующих ресурсов, Сталин требует от военного руководства усиленного внимания к укреплению обороноспособности Дальнего Востока. 30 июля 1932 г. он пишет Ворошилову: «Шесть бомбовозов для Дальневосточного — пустяк. Надо послать туда не менее 50–60 ТБ-3. И это надо сделать побыстрее. Без этого оборона Дальневосточного — пустая фраза»²⁹. 28 октября 1933 г.

Политбюро по предложению Сталина решает: к 1 мая 1934 г. построить и перебросить на Дальний Восток 100 торпедных катеров³⁰.

Активную роль в противодействии японской агрессивной политике играло советское полпредство в Токио. Полпред А.А. Трояновский, энергичный и коммуникабельный, стал заметной фигурой в дипломатическом корпусе японской столицы. Он встречался с премьер-министрами, министрами, журналистами, бизнесменами, доказывая пагубность для Японии антисоветской политики. Его коллега, советник полпредства И. Сильванек сообщал в Москву: Трояновский «хороший оратор и политик, он захватывает аудиторию»³¹.

Исторически сложилось так, что в Японии при формировании курса внешней политики важную роль играли армия и флот. В начале 1930-х годов для армии (в лице военного министра Араки) главным потенциальным соперником был СССР, для флота (в лице морского министра Като) — США. 14 марта 1932 г. Трояновский сообщал в НКВД: морской министр адмирал Като «говорил мне, что среди руководящих кругов Японии имеется два течения. Первое — за возможное тесное сближение с СССР, второе — за разрыв. Первое многочисленнее, второе — очень активно»³². Это обстоятельство полпред использовал в своей практической работе. Японские газеты отмечали, что советский посол умеет «хорошо играть на противоречиях армии и флота».

Сам Трояновский 19 августа 1932 г. в телеграмме в Москву констатировал: «Из всех имеющихся в нашем распоряжении данных видно, что правительство в своем большинстве не разделяет взглядов Араки». При этом он подчеркивал необходимость усиления работы полпредства «по разъяснению нашей позиции». «От работы полпредства многое зависит, даже больше, чем в предыдущее время»³³.

Иное дело посольство Японии в Москве. Посол К. Хирота, который скоро станет министром иностранных дел, а закончит свою жизнь на скамье подсудимых Международного военного трибунала для Японии, который приговорит его как военного преступника к смертной казни, и военный атташе Касахара ненавидели страну, в которой они были аккредитованы. В своем докладе в Токио, ставшем известным после войны, Касахара писал: «С точки зрения боеготовности СССР для нас было бы выгодным войну начать как можно скорее»³⁴.

В связи с дальневосточными событиями серьезную озабоченность в Москве вызвали начавшиеся весной 1932 г. массовые антиправительственные волнения в Монголии, вызванные левацкими загибами во внутренней политике правительства МНР. Сложность состояла еще и в том, что по советско-китайскому договору от 31 мая 1924 г. Внешняя Монголия считалась частью Китая. МНР была провозглашена 13 июня 1924 г. Правительство Китая не признало МНР, что привело к товарному голоду и росту недовольства населения. В эти годы на долю Китая приходилось 43,4% монгольского импорта³⁵.

Для СССР МНР была важным стратегическим союзником. В условиях противостояния с Японией было крайне важно сохранить там свое влияние. 16 мая 1932 г. Политбюро приняло специальное постановление «О Монголии». Была оказана экстренная экономическая помощь. 6 июня Ворошилов докладывал Сталину: «Машины и товары для Монголии уже отправили из Москвы. Все делается для скорейшего продвижения товаров как до Улан-Батора, так и внутри Монголии к местам потребления»³⁶.

Но по ту сторону китайской границы была Внутренняя Монголия, оккупированная Японией. Точная пограничная линия на местности была обозначена не везде. Поэтому Сталин писал членам Политбюро 4 июня 1932 г.: «Самое лучшее обойтись без ввода войск. Нельзя смешивать Монголию с Казахстаном или Бурятией». Непродуманные решения в этом вопросе, продолжал далее Сталин, «могут развязать конфликт с Японией и дать базу для единого фронта Японии, Китая и Монголии против СССР». По его мне-

нию, «дело нужно начать с изменения политического курса. Этот акт должно проделать монгольское правительство»³⁷.

Так и было сделано. В Улан-Баторе обошлись без обращения к Москве за военной помощью. На Пленуме ЦК МНРП в июне 1932 г. было принято решение отказаться от строительства социализма в МНР. В Монголии СССР смог отстоять свои интересы и дать отпор японским поползновениям. 27 ноября 1934 г. Было подписано соглашение между СССР и МНР о взаимопомощи, гарантировавшее Монголию от возможного вторжения Японии.

Весной 1932 г. Япония пытается расширить масштабы своей экспансии в Китае и захватить Шанхай. Это объективно несколько смягчает остроту советско-японского конфликта в Маньчжурии. Но в Шанхае японцы неожиданно встречают ожесточенное сопротивление китайской армии. Попытка захвата Шанхая затрагивала интересы других держав, и в Шанхае появились военные корабли Англии и США. Угроза применения силы и дипломатическое давление имели положительный результат. Японии пришлось отступить.

Но СССР не осудил эту акцию Японии и не присоединился к протесту держав, заявив о своем строгом нейтралитете. Более того, советское правительство демонстративно не разрешило проезд через территорию СССР «Комиссии Литтона», созданной Лигой Наций для расследования событий в Маньчжурии.

9 марта 1932 г. на захваченной японцами территории Маньчжурии было образовано марионеточное «государство» Маньчжоу-Го во главе с Пу И, потомком свергнутой в Китае цинской династии. Теперь формально японская сторона снимала с себя ответственность за все происходящее в Маньчжурии вообще и в зоне КВЖД, в частности. Москве приходилось определять свое отношение к этому японскому детищу.

Как обычно, соответствующие установки были определены Сталиным. 12 июня 1932 г. он писал Кагановичу: «Мы не должны (подчеркнуто Сталиным) признать де-юре Маньчжурское государство. Настаивая на признании с нашей стороны, японцы рассчитывают посорить нас с Китаем или с Маньчжурией: если признаем Маньчжурию — рассоримся с Китаем, если откажемся признать — рассоримся с Маньчжурским правительством... Почему японцы сами не торопятся признать свое же собственное детище? Мы должны ответить японцам, что мы изучаем вопрос о формальном признании... Надо заявить, что мы в принципе (подчеркнуто Сталиным) не отвергали и никогда не отвергаем признание де-юре»³⁸.

В конечном счете, советское правительство согласилось на признание де-факто Маньчжоу-Го и назначение консулов этого государства в Читу и Благовещенск. Пять советских консулов продолжали оставаться в городах Северной Маньчжурии. Этот акт был обусловлен тем, что теперь приходилось все вопросы, связанные с КВЖД, обсуждать и решать с властями Маньчжоу-Го, за спиной которых стояли японцы. Японское правительство официально заявило, что все права Китая на КВЖД переходят к Маньчжоу-Го³⁹. Таким образом получилось, что это марионеточное «государство» было признано лишь Японией и СССР. Ни Лига Наций, ни другие государства на это не пошли.

С появлением Маньчжоу-Го связано такое важное обстоятельство, как инициирование китайским правительством вопроса о восстановлении отношений с СССР. Также китайская сторона предлагала заключить пакт о ненападении. Хотя Сталин испытывал неприязнь к Чан Кайши и его правительству, он согласился на восстановление дипотношений, поскольку Китай становился потенциальным союзником в противоборстве с Японией на Дальнем Востоке. Предложение о заключении пакта о ненападении тогда было отклонено, дабы не быть втянутыми в большую войну с Японией. Советско-китайские отношения были восстановлены после долгих и нелегких переговоров 12 декабря 1932 г.

С осени 1932 г. советские власти стали осторожно помогать частям китайских генералов, продолжавших оказывать сопротивление японцам. Так, отступавшие на Со-

ветскую территорию китайские войска не интернировались, как прежде, а по советской территории перебрасывались в Синьцзян. Таким путем было переправлено более 70 тыс. китайских солдат. Как удачно отметил В. В. Чубаров эти новации в политике СССР, «Москва стала проводить триединую политику: поддерживать антияпонские выступления в Маньчжурии, налаживать дипломатические отношения с центральным китайским правительством и идти на уступки японскому правительству»⁴⁰.

Последней уступкой Японии и заключительным аккордом в советско-японском противоборстве в Маньчжурии явилась продажа КВЖД. После установления контроля Японии над Северной Маньчжурией и создания Маньчжоу-Го нормальная эксплуатация этой железной дороги стала невозможной. Были уволены китайские сотрудники, нелояльные новым властям. Оставшиеся советские сотрудники подверглись преследованиям, арестам, обыскам. Дипломатическая переписка Москвы и Токио тех лет заполнена протестами советской стороны по этому поводу.

13 сентября 1932 г. Каганович сообщил Сталину: из дешифровок стало известно об обсуждении маньчжурскими властями возможности фактического захвата КВЖД⁴¹. Советское руководство приняло решение продать КВЖД. Официально предложение о начале переговоров об этом было сделано в мае 1933 г. Поскольку японские власти контроль над территорией Маньчжурии формально возложили на власти Маньчжоу-Го, то и переговоры о продаже КВЖД пришлось вести с представителями этого «государства».

Переговоры начались в июне 1933 г. и велись при посредничестве японского правительства в Токио на протяжении двух лет. Советское правительство определило первоначальную цену КВЖД в сумме 625 млн иен, или 250 млн золотых рублей. Япономаньчжурская сторона назвала сумму в 120 млн иен, которая советской стороной была определена как чрезмерно заниженная. Начался торг: советская сторона шла на значительные уступки — 160 млн иен, 150 млн. Наконец, 14 сентября 1934 г. Сталин дал согласие на 140 млн иен, которая была принята обеими сторонами как окончательная. Плюс 30 млн иен в качестве выходного пособия для сотрудников дороги⁴².

Парафирование и подписание «Соглашения между СССР и Маньчжоу-Го об уступке Маньчжоу-Го прав СССР в отношении Китайской Восточной железной дороги (Северо-Маньчжурской железной дороги)» состоялось в марте 1935 г.

Нарком Литвинов в своем заявлении, опубликованном в советской печати 15 марта 1935 г., подчеркивал: «Соглашение о КВЖД должно рассматриваться как разрешение одной из сложнейших дальневосточных проблем и в то же время как крупнейшее положительное событие в развитии советско-японских отношений». Предложение о продаже КВЖД, по словам Литвинова, «было одним из самых ярких проявлений миролюбия советского правительства»⁴³. Эти «оптимистические» слова предназначались для внутренней пропаганды. В действительности продажа КВЖД была вынужденным актом. Япония таким путем «выталкивала» СССР из Маньчжурии, нанося ущерб экономическим и геополитическим позициям СССР на Дальнем Востоке. Через несколько лет Япония выдвинет советскому правительству аналогичное предложение — продать Северный Сахалин. Но к этому времени обстановка на Дальнем Востоке круто изменилась и о принятии японского предложения не могло быть и речи.

Неуспех СССР в противодействии японской экспансии в Маньчжурии в начале 1930-х годов был обусловлен рядом факторов, прежде всего, недостаточной обороноспособностью советского Дальнего Востока. В Москве хорошо понимали различие в борьбе с хунхузами Чжан Сюэляна на КВЖД в 1929 г. и столкновением с регулярной японской армией, жившей традициями победоносной войны с Россией 1904–1905 гг. Лишь во второй половине 1930-х соответствующий военный потенциал был создан и японская армия ощутила это на себе в боях у о. Хасан и на р. Халхин-Гол в 1938–1939 гг.

Думается, ошибочным был принципиальный отказ СССР от любого сотрудничества с западными странами и Лигой Наций в противодействии японским захватам в Ки-

тае. Так, в докладе «Комиссии Литтона», опубликованном в сентябре 1932 г., содержались тезисы, вполне приемлемые для СССР: признание территориальной целостности Китая, незаконность создания Маньчжоу-Го, наличие интересов СССР в Маньчжурии. В этом документе говорилось: «Всякое разрешение маньчжурской проблемы, которое не учитывало бы интересов СССР, рисковало бы превратиться в источник опасности для будущего мира и не было бы длительным»⁴⁴. Это объясняет, почему Япония отвергла доклад «Комиссии Литтона» и затем вышла из Лиги Наций.

Проводя «политику умиротворения» Японии, советская дипломатия не выдвинула конструктивной идеи, способной остановить японскую агрессию. Политика СССР на Дальнем Востоке в начале 1930-х годов контрастировала с тем, что делалось СССР на европейском направлении. В конце 1933 г. НКВД разработал план создания системы коллективной безопасности в Европе, который был одобрен Политбюро 19 декабря 1933 г. Это и стало основой деятельности советской дипломатии на последующие годы. В сентябре 1934 г. по приглашению 30 государств СССР вступил в Лигу Наций.

Итогом «Маньчжурского кризиса», начатого японским вторжением в сентябре 1931 г., явилась потеря КВЖД и советского влияния в Северо-Восточном Китае. Но при этом сохранились и усилились позиции СССР в Монголии и китайской провинции Синьцзян. Дальнейшей экспансии Японии на азиатском континенте за счет СССР был положен предел.

После разгрома Японии во второй мировой войне СССР укрепил свой статус великой дальневосточной державы, вернув себе Курилы, Южный Сахалин и КВЖД.

1. Системная история международных отношений. В четырех томах. 1918–2000. Т. 1 М., 2000. С. 252–253.
2. Майский И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами. М., 2005. Т. 1. С. 284.
3. Документы внешней политики СССР (Далее: ДВП). Т. XIV. С. 134.
4. Кошкин А. Россия и Япония: узлы противоречий. М., 2010. С. 148.
5. Молодяков В. Россия и Япония поверх барьеров. М., 2003. С. 392–393.
6. Там же.
7. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1934 гг. М., 2001. С. 103.
8. ДВП. Т. XIV. С. 529.
9. Сталин и Каганович... С. 113.
10. ВКП(б), Коминтерн и Япония (1917–1943 гг.). М., 2001. С. 67.
11. Сталин и Каганович... С. 115.
12. ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 67.
13. Сталин и Каганович. С. 119.
14. ДВП. Т. XIV. С. 535.
15. Сталин и Каганович... С. 120.
16. Там же. С. 122.
17. ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 66.
18. ДВП. Т. XIV. С. 625.
19. ДВП. Т. XIV. С. 672.
20. ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 96.
21. ДВП. Т. XIV. С. 671.
22. ДВП. Т. XV. С. 67.
23. Там же. С. 147–148.
24. ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 82.
25. Сталин и Каганович... С. 135.
26. Советское руководство. Переписка. М., 1999. С. 161–162.
27. Исаев С. Мероприятия КПСС по укреплению дальневосточных рубежей в 1931–1941 гг. // Военно-исторический журнал. 1981. № 9. С. 65.
28. Советское руководство... С. 168.

29. Там же. С. 186.
30. ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 115.
31. ДВП. Т. XV. С. 468.
32. Там же. С. 180.
33. Там же. С. 479–480.
34. Кошкин А. Россия и Япония: узлы противоречий. М., 2010. С. 150.
35. Лузянин С.Г. Россия—Монголия—Китай в первой половине XX в. М., 2003. С. 190.
36. Советское руководство... Переписка. С. 173.
37. Сталин и Каганович... С. 158.
38. Там же. С. 158–159.
39. ДВП. Т. XV. С. 125.
40. Чубаров В.В. Военные конфликты в Китае и позиция СССР (1927–1933 гг.). // Советская внешняя политика. 1919–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 122.
41. Сталин и Каганович... С. 392.
42. ВКП(б), Коминтерн и Япония. С. 139–141.
43. ДВП. Т. XVIII. С. 178–179.
44. Системная история международных отношений. В четырех томах. 1918–2000. Т. 2. Документы. М., 2000. С. 145–146.

E. Khakhalkina, B. Zhigalov. On the Policy of the USSR in Connection with Japanese Aggression in Manchuria in 1931

The article discusses the actions of the Soviet government in connection with the Japanese invasion to Manchuria, which was detrimental to the economic and geopolitical interests of the USSR in the Far East. These actions were of a “defensive” nature, which was caused by the military weakness of the USSR in this region and the desire to maintain good relations with Japan. Specifically, this was expressed in numerous concessions to Japan, culminating in the sale of the CER and the USSR’s departure from Manchuria.

Key words: Far Eastern policy of the USSR, Manchu crisis of 1931, Sino-Eastern Railway, Manzhou-Gō.